

РОДОСЛОВНАЯ БЛАГОДАТИ

Трансин Ливерс

НЕПРЕКЛОННАЯ

5-е издание

ВИССОН
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Санкт-Петербург
Издательство «Виссон»
2023

Моей свекрови, Эдит Риверс, которой я восхищаюсь и которую очень люблю.

Предисловие

Дорогие читатели,

Перед вами третий из пяти романов о женщинах, чьи имена вошли в родословную Иисуса Христа. Это восточные женщины, жившие в древние века, и тем не менее истории их жизни сопоставимы с нашей жизнью и помогают разрешать трудные вопросы, с которыми сталкиваемся и мы. Они словно скользили по лезвию ножа. Они были мужественны. Они рисковали. Они удивляли. Они дерзали и иногда совершали ошибки, большие ошибки. Эти женщины не были совершенны, однако Бог по Своей бесконечной милости использовал их в Своем совершенном замысле рождения Христа, Спасителя мира.

Мы живем в отчаянные, тяжелые времена, когда миллионы людей пытаются найти свой путь в жизни. Эти женщины указывают правильный путь. Уроки, которые можно извлечь из историй их жизни, также актуальны сегодня, как и тысячи лет назад.

Фамарь — женщина надежды.

Раав — женщина веры.

Руфь — женщина любви.

Вирсавия — женщина, обретшая благодать.

Мария — женщина послушания.

Все эти женщины — исторические личности, некогда жившие в странах Востока. Их истории рассказаны мной на основании библейского повествования. Некоторые их поступки могут показаться нам странными, однако мы должны рассматривать их в контексте того времени, в которое жили эти женщины.

Эта книга написана в жанре исторического романа. Основная линия повествования была заимствована мною из Библии, и я отталкивалась от фактов, которые представляет эта Книга. На этом фундаменте я создавала сюжет, диалоги, а в некоторых случаях дополнительные характеры, которые, как я считаю, вполне соответствуют библейскому повествованию. Я старалась ни в чем не отходить от Священного Писания, добавляя только то, что необходимо для лучшего его понимания.

Родословие Благодати

Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова,
Сына Авраамова.

Авраам родил Исаака;

Исаак родил Иакова;

Иаков родил Иуду и братьев его;

Иуда родил Фареса и Зару от *Фамари*;

Фарес родил Есрома;

Есром родил Арама;

Арам родил Аминадава;

Аминадав родил Наассона;

Наассон родил Салмона;

Салмон родил Вооза от *Рахавь*;

Вооз родил Овида от *Руфи*;

Овид родил Иессея;

Иессей родил Давида царя;

Давид царь родил Соломона от бывшей
за Уриею (*Вирсавиш*);

Соломон родил Ровоама;

Ровоам родил Авию;

Авия родил Асу;

Аса родил Иосафата;

Иосафат родил Иорама;

Иорам родил Озию;
Озия родил Иоафама;
Иоафам родил Ахаза;
Ахаз родил Езекию;
Езекия родил Манассию;
Манассия родил Амона;
Амон родил Иосию;
Иосия родил Иоакима;
Иоаким родил Иехонию и братьев его
перед переселением в Вавилон.
По переселении же в Вавилон, Иехония
родил Салафииля;
Салафииль родил Зоровавеля;
Зоровавель родил Авиуда;
Авиуд родил Елиакима;
Елиаким родил Азора;
Азор родил Садока;
Садок родил Ахима;
Ахим родил Елиуда;
Елиуд родил Елеазара;
Елеазар родил Матфана;
Матфан родил Иакова;
Иаков родил Иосифа, мужа *Марии*,
от Которой родился Иисус, называемый Христос.

Мф. 1:1-16

Место и время действия

РУФЬ 1:1—4

В те дни, когда управляли судьи, случился голод на земле. И пошел один человек из Вифлеема Иудейского со своею женою и двумя сыновьями своими жить на полях Моавитских. Имя человека того — Елимелех, имя жены его — Ноеминь, а имена двух сынов его — Махлон и Хилеон; они были Ефрафяне из Вифлеема Иудейского. И пришли они на поля Моавитские и остались там. И умер Елимелех, муж Ноемини, и осталась она с двумя сыновьями своими. Они взяли себе жен из Моавитянок, имя одной — Орфа, а имя другой — Руфь, и жили там около десяти лет.

Глава первая

Руфь спускалась по узким, многолюдным улицам Кирхарешета, в ее душе царило смятение. Ее любимый муж, Махлон, умирал от тяжелой болезни, постигшей его в прошлом месяце. Она пыталась справиться с тоской и страхом, шевелившимся в ее душе. Что же она будет делать без Махлона? Ведь Руфь мечтала о долгой счастливой жизни с любимым человеком, о том, как родит ему детей и состарится вместе с ним. А теперь она страдала, видя боль своего мужа. Руфь горевала о том, что у нее уже никогда не будет детей, которые носили бы его имя.

Было новолуние, и мать Руфи ждала ее ежемесячного визита. Они будут пить чай, есть изысканные кушанья за отцовским столом и обсуждать семейные дела. Руфь боялась идти к матери. Она никак не могла выбросить из головы все свои проблемы. И не хотела слышать о том, что думает мать по поводу причины ее переживаний.

Несчастливая Ноеминь! Как перенесет ее свекровь еще одну утрату? Пятнадцать лет назад она потеряла своего мужа, Елимелеха, прошлой весной умер ее младший сын Хилеон. Найдет ли она утешение в своей вере в Бога Израилева или в конце концов сломится под тяжестью нового горя — смерти ее последнего сына?

О, Господь, Бог Израилев, услышь мой плач!

Когда Ноеминь рассказала Руфи об истинном Боге, девушка уверовала в Него, потому что видела, какой мир и покой был в душе ее свекрови. Это спокойствие помогало ей справляться с любыми неприятностями. В доме своего отца Руфь никогда не видела такого душевного спокойствия. Она и Ноеминь часто говорили о Боге, особенно когда у Руфи возникали вопросы. Все ответы Ноемини сводились к наставлениям о том, что надо верить в Бога, слушаться Его, принимать Его волю, потому что во всем происходящем есть определенная цель, даже если ты не видишь ее. Но иногда боль казалась невыносимой.

И Руфь испугалась.

Не будет ли она так же страдать, как ее невестка Орфа: когда в прошлом году умер ее муж, она вопила, раскачиваясь из стороны в сторону, отказывалась от пищи. Ноеминь и Руфь уже стали беспокоиться о ее здоровье.

Руфь

О, Господи, не дай мне стать обузой для Ноемини. Дай мне силы помочь ей.

Подойдя к отцовскому дому, Руфь глубоко вздохнула, расправила плечи и постучала в дверь. Служанка открыла ей и радостно улыбнулась.

— Руфь! Входи, — поприветствовала она девушку и нетерпеливо махнула ей рукой:

— Заходи же.

Было трудно находиться в большом роскошном отцовском доме и не поддаться искушению сравнить его со скромным жилищем мужа. Здесь все, на чем бы ни остановился взгляд, свидетельствовало о богатстве: красивые вазы, ковры, разноцветные льняные занавеси, низкие столики, выложенные слоновой костью. Руфь выросла в этом доме и считала отцовское богатство само собой разумеющимся. Потом она встретила и полюбила молодого еврейского торговца и вышла за него замуж, но он с большим трудом поддерживал семейное дело и добывал хлеб насущный.

Отец и мать Руфи очень гордились своим имуществом, но, пожив с Ноеминью, Руфь поняла, что ее родители были нищии духом. Богатство Ноемини не имело никакого отношения к материальным благам, которыми пользовалась Руфь.

— Ах, моя красавица дочь.

Мать вошла в комнату, обняла Руфь и поцеловала ее.

— Садись, моя любимая.

Потом хлопнула в ладоши, отдала приказание девушке-служанке и села на одну из мягких красно-голубых подушек.

— Ты не замечаешь ничего нового?

Руфь огляделась. Что мать имела в виду: новый стол или новые драпировки, а может, новый ковер? Снова посмотрев на мать, она увидела, как та перебирала пальцами золотое ожерелье.

— Что ты думаешь об этом? Красивое, не правда ли? Это подарок твоего отца. Оно из Египта.

— Он всегда был щедрым, — сказала Руфь, в мыслях своих она снова обратилась к Махлону. Он настоял на том, чтобы она ненадолго оставила его и навестила свою мать. С ним посидит Ноеминь. Все так хорошо складывалось. *«Иди. Иди и развлекись»*. Но как Руфь могла веселиться? Она думала только о муже и о том, как бы поскорее уйти из этого дома и вернуться в свой, к любимому.

Вошла служанка с блюдом, нагруженным фруктами, хлебом, двумя бокалами и кувшином вина. Вторая служанка поставила большое плоское блюдо с жареными зернами и кусочками тушеной баранины. У Руфи засосало под ложечкой от аромата хорошо приготовленного кушанья, но она не протянула к нему руки, хотя мать и настаивала. Как она могла взять кусок в рот, когда Махлон был настолько болен, что совсем ничего не ел? Как могла она наслаждаться деликатесами, разложенными перед ней на столе, когда у ее свекрови не было ничего, кроме хлеба, оливкового масла и кислого вина?

Руфь

— Ты должна поддерживать свои силы, Руфь, — мягко сказала мать. — Ты такая худая.

— Может быть, немного попозже, матушка.

— Вчера на базаре я разговаривала с матерью Орфы. Было сделано все возможное?

Не находя в себе силы ответить, Руфь кивнула головой. Ноеминь, утверждая, что надежда есть всегда, продолжала молиться. Они обе молились. Молитва стала их привычкой.

— О, моя дорогая. Я очень переживаю из-за того, что тебе приходится проходить через такие страдания, — мать придвинулась к дочери и обняла ее. Какое-то время она молчала:

— Что ты будешь делать, когда он умрет?

От такого прямого и грубого вопроса глаза Руфи наполнились слезами.

— Я буду скорбеть. Буду утешать Ноеминь. А что еще — не знаю. Я не думаю сейчас об этом.

— Но ты должна подумать.

— Матушка, — протестуя, тихо произнесла Руфь и всхлипнула, закрыв лицо руками.

Но мать не унималась.

— Я до сих пор не спрашивала тебя об этом, чтобы еще больше не огорчать. Я знаю, как ты любишь Махлона. Если бы твой отец не любил тебя так сильно, то он потребовал бы, чтобы ты вышла замуж за Касима, и ты бы сейчас так не страдала. Отец хочет, чтобы ты знала: мы с радостью приемем тебя. Ты знаешь, как я люблю, когда ты здесь, со мной,

хотя бы на короткое время. Ты не должна оставаться с Ноеминью, если Махлон умрет. Возвращайся к нам.

Руфь опустила руки на колени и сквозь слезы посмотрела на мать.

— Как я могу оставить Ноеминь после всего, что она пережила? У меня есть обязательства перед домом моего мужа. Ты знаешь это.

— Ноеминь будет первая, кто посоветует тебе вернуться к нам. Ты считаешь, она захочет остаться здесь после смерти своего последнего сына? Она вернется домой, к своему народу.

Эти слова, как острое копьё, пронзили сердце Руфи. Мать говорила так, будто Махлон уже умер, а о Ноемини не стоило и вспоминать.

— Я должна идти.

Руфь поднялась.

Мать схватила ее за руку.

— Нет, прошу тебя, выслушай меня. Муж Ноемини с охотой принял наши обычаи и стал одним из нас, а твоя свекровь всегда держалась в стороне. Она до сих пор одевается как еврейка. Она никогда не ходила в наши храмы и не принесла ни одной жертвы ни одному нашему богу. Возможно, именно поэтому она и страдает. Наши боги гnevаются на нее.

— У нее есть свой Бог.

— О да, и чем Он хорош? Что Он дал ей, кроме нищеты и горя? — мать сделала широкий жест рукой. —

Руфь

Оглянись вокруг, дочка. Посмотри, как боги Моава благословляют нас. Посмотри на роскошь, которая окружает нас благодаря нашей вере.

— Но вы с отцом никогда не бываете довольны, матушка. Глаза матери потемнели.

— Я довольна.

— Тогда почему же вам всегда хочется иметь еще больше? А для Ноемини материальное богатство не имеет никакого значения.

Мать в гневе отпустила руку дочери.

— Конечно, не имеет. Как богатство может иметь значение для того, кто никогда не владел им?

— Ты не понимаешь, матушка.

— Я понимаю, что ты отвернулась от богов своего народа, чтобы поклоняться ее Богу. Вернись к своим богам, Руфь. Оставь этот дом скорби и возвращайся к нам.

Вернуться к родителям — вернуться к чему? Ее отец и мать всегда были недовольны. Чем больше отец накапливал добра, тем больше ему хотелось. Его аппетит разжигался все больше и больше. Ничто не удовлетворяло его. А матери через несколько дней надоест это золотое ожерелье и захочется чего-нибудь новенького, чем можно было бы похвастаться.

Ноеминь хвалилась только Богом Израилевым. Обращаясь к Нему в молитве, она обретала спокойствие даже в повседневной суете, окружавшей ее.

Боже, о, Боже, помоги мне! Я многого не понимаю. Я не знаю, как ответить своей матери. Слышишь ли Ты голос

перепуганной моавитянки? Я не хочу, чтобы моя вера умерла, если Ты заберешь у меня Махлона. Слова матери, словно острое копье, пронзают мое сердце. Защити меня!

Руфь разрыдалась.

— Мы знаем, ты должна до конца оставаться с Махлоном. И мы понимаем, что тебе захочется остаться с Ноеминою на несколько недель, чтобы утешить ее. Но потом приходи к нам, любовь моя. Возвращайся в отцовский дом, где твоя жизнь будет гораздо легче. Любой поймет тебя. Ноеминь любит тебя. Она так же, как и мы, желает тебе самого лучшего. Нет никакой необходимости жить в нужде. Ты молода и красива. Перед тобой вся жизнь.

Но Руфь не могла представить свою жизнь без человека, которого любила, и без свекрови, которая открыла перед ней свое сердце. Как она могла выполнить свой долг перед Ноеминою, оставшись с ней всего лишь на несколько недель? Долг — это не единственное, что связывало их. Была и любовь. Не только любовь друг к другу, но любовь к Богу, в Которого они верили.

— Я не могу бросить Ноеминь.

— Но как же твоя собственная семья? Твой отец? А я? Приходи домой, Руфь. Пожалуйста, возвращайся к нам. Могу ли я видеть, как ты живешь в такой бедности, когда...

Руфь

Руфь почувствовала, как ее сердце разрывается между любовью к родителям и любовью к свекрови и Орфе. Если Махлон умрет, сможет ли она отвернуться от Ноемини и невестки и уйти прочь? Сможет ли она вернуться к прежней жизни, склониться перед изваяниями, изображающими богов ее матери и отца, богов, в существование которых она больше не верила? То, что связывало ее с Ноеминью, было глубже, чем просто родственные связи. Так получилось, что Руфь приняла веру своей свекрови в невидимого Бога. Она уже говорила отцу и матери о своей новой вере, и в ответ слышала их смех. *«Как ты можешь верить такой чепухе? Невидимый Бог?»* Руфь очень сильно любила своих родителей, но не могла отвернуться от Ноемини и той истины, которую узнала благодаря ей.

— Махлон, Ноеминь и Орфа — это моя семья, матушка, точно так же, как твоей стала семья отца, когда ты вышла за него замуж.

Лицо матери сморщилось, из глаз потекли слезы. Руфь обняла ее.

— Ты знаешь, я люблю тебя, матушка. Я всегда буду любить тебя. Но я должна поступать справедливо.

— Это несправедливо! Ты просто погубишь свою жизнь!

Руфь видела, что мать не желает понять ее. Все изменилось в жизни Руфи, и никогда уже не повторится то, что было раньше, когда она еще ребенком жила в доме своего отца. Теперь она женщина, у нее есть муж, свекровь и определенные обязательства перед ними. Ее жизнь больше не

принадлежит ей. Даже если бы и принадлежала, то разве приняла бы она другое решение?

О, Господи, дай мне силы. Я как разбитый сосуд, из которого вытекло все масло.

Она должна была сказать своей матери правду. С ее стороны будет нечестно оставлять ей какие-то ложные надежды.

— Я не брошу Ноемиль, матушка. У тебя есть отец. У тебя есть мои братья с их женами, мои сестры со своими семьями. Если Махлон умрет, с кем останется Ноемиль?

— С ней будет Орфа, — упрямо заявила мать. — Пусть она остается с Ноемилью.

Орфа не верила в Бога Израилева. Она до сих пор поклонялась идолам и курила фимиам Астарте.

— Орфа добрая, она любит свою свекровь, но она не разделяет ее веру.

Глаза матери потемнели от гнева.

— Почему ты так упорствуешь в вере в этого невидимого Бога после всего, что случилось? Это несправедливо, что ты жертвуешь своей жизнью ради этой злосчастной семьи! Если Ноемиль решила уйти, пусть уходит!

Руфь не хотела снова начинать спор о том, во имя чьего бога строятся более величественные храмы или проводятся более роскошные и усердные службы. Она отодвинулась от матери и поднялась.

Орфа

— Махлон нуждается во мне. Я должна идти.

Мать встала вместе с дочерью и с плачем проследовала за ней до дверей.

— Руфь, пожалуйста, подумай как следует о том, что собираешься сделать. Я прошу тебя! Не губи свою жизнь!

В душе Руфи боролись разные чувства. Любовь... сожаление... раздражение... смущение. Она обернулась и стремительно обняла мать.

— Я люблю тебя, — сказала она дрогнувшим голосом. — Скажи отцу, что я люблю его.

Руфь отпустила мать и поспешно вышла.

Быстро проходя по узким городским улицам, Руфь закрыла лицо шалью, чтобы прохожие не видели ее слез.

Когда садится солнце и вместе с появлением звезд и луны в сердце воскресают воспоминания, горе становится особенно острым. Улицы Кирхарешета опустели, все разошлись по своим домам и теперь спали, а в голове Ноемини продолжали шуметь мысли, она сидела на краю своей постели, прислонившись спиной к холодной каменной стене своего маленького дома. Она чувствовала себя одинокой, хотя в нескольких шагах от нее спали ее любимые невестки. Горе истощило их силы. Каждая потеряла своего мужа, сначала Орфа, а потом и Руфь. Но они никогда не ведали большего несчастья — утраты детей, потому что не имели их.

Мои сыновья мертвы! Мои сыновья, о, мои сыновья... Ноемини хотелось кричать от боли, но ради молодых женщин, спавших рядом с ней, она сдерживала свои чувства.

Было темно. Ночь окутала Ноеминь мраком, принеся с собой страхи и сомнения. Она пыталась молиться, но ее слова, произнесенные шепотом, казалось, отскакивали от потолка хижины и падали, не услышанные, к ее ногам. Она начала размышлять. Слышал ли когда-нибудь Бог ее молитвы? Прислушивался ли Он когда-нибудь к ее просьбам?

Подобно полчищам саранчи, готовым уничтожить ее веру, сомнения овладели Ноеминью. Она зажала уши руками и стиснула зубы. Зачем существовали такие ночи? Иногда наступала гробовая тишина, и она могла слышать, как по ее жилам текла кровь. Ей казалось, что этот звук был подобен шуму ливня, чьи струи распахивали двери ее разума и затопляли его воспоминаниями о том, что она хотела бы забыть.

Комната наполнилась звуками голоса ее умершего мужа.

— Мы пойдем в Моав, нравится тебе это или нет! Там нет голода.

— Но, Елимелех, мы не должны уходить из Вифлеема! Это наш дом.

— Наш дом превращается в прах!

— Если мы доверимся Богу и будем послушны Ему, Он накормит нас.

— Ты что, ослепла? Посмотри вокруг себя, женщина. Бог отказался от нас!

— Потому что ты и другие поклоняетесь ваалам!

— Я поклоняюсь Ваалу потому, что он бог этой страны!

— Моисей говорил нашим отцам, что Господь есть Бог и нет иного!

— И что хорошего сделал для нас Бог в последнее время? — продолжал спорить Елимелех. — Сколько прошло времени с той поры, когда в последний раз был дождь на нашей земле? Когда в последний раз наш урожай был хотя бы немного больше того, что необходимо для наполнения наших собственных желудков?

— Но ты подумай, муж мой. Господь давал нам необходимое, чтобы мы могли выжить.

— Мне надоело слушать тебя! Я один забочусь о нас. Я один работаю до седьмого пота на этой каменистой земле и вижу, как погибает мой урожай! Не говори мне, что Бог заботится о нас! Посмотри на мои руки! Посмотри на мои мозоли и скажи мне, что Бог заботится о наших сыновьях. Бог стоит поодаль и наблюдает за тем, как все, что принадлежит мне, превращается в прах. Он оставил нас! Ты всего лишь женщина. Что ты понимаешь в этом? Я буду поступать так, как считаю правильным.

В тот же самый день Елимелех заложил землю, унаследованную им от его отца. Придя домой, он собрал и погрузил

на двух ослов все их имущество, взял Ноеминь, сыновей, Махлона и Хилеона, и ушел из Вифлеема. У нее было время только на то, чтобы попрощаться со своими друзьями и несколькими остающимися дома родственниками. Елимелех был так уверен в правильности своего решения! Какой мужчина хочет слушать постоянное ворчание сварливой жены? И Ноеминь стала вести себя так, как она считала, ей следовало: молчала о своих сомнениях и молилась.

Она молилась утром, когда вставала. Она молилась весь день, во время работы. Она молилась вечером, когда ложилась спать. Она молилась, молилась, молилась и наблюдала, как гибнет ее жизнь.

Елимелех нашел работу в Моаве, в Кирхарешете. Он срезал свои кудри, сбрил бороду и облачился в моавитские одежды, чтобы облегчить себе жизнь. Вместе с ними пришли в Моав и поселились в Кирхарешете и другие израильтяне. Они тоже хотели переждать здесь голод, начавшийся в земле обетованной, и также быстро переняли обычаи местных жителей, забыли закон Моисея и Божьи обетования.

Летом Елимелех умер.

— Мне просто надо отдохнуть.

Он пришел домой, жалуясь на боль в груди.

— Утром я буду здоров.

Он сидел как раз там, где сейчас сидела она, и с искаженным от боли лицом растирал свои руки.

— Ноеминь?

Он загнулся. Ноеминь бросилась перед мужем на колени.

— Что, любимый?

Она взяла его руку и накрыла ее своей, желая успокоить его.

— Ноеминь, — повторил он, вытирая испарину, выступившую на лбу. — Я делал только то, что считал правильным.

Губы его посинели. Она старалась утешить его. Она обняла мужа, пытаясь успокоить его. Но ничто не могло облегчить его страдания.

Даже сейчас, спустя пятнадцать лет, в ее душе оживала прежняя боль. Ее воскресила преждевременная смерть Махлона так же, как в прошлом году смерть Хилеона, сделав ее еще острее. От этой боли нельзя было убежать, от нее было невозможно укрыться, ее никак нельзя было спрятать глубоко в душе, чтобы она больше не поднималась. Ноеминь помнила все так отчетливо, особенно свои молитвы, на которые не получила ответа. Она так усердно молилась, чтобы Бог не забирал у нее мужа, чтобы Он помиловал его, она продолжала молиться даже тогда, когда видела, как в глазах Елимелеха угасла жизнь. Она молилась о милости и видела, как смерть все же взяла его.

Сыновья погребли отца среди моавитян. Вначале Ноеминь никак не могла поверить в то, что Елимелеха не стало. Она надеялась, что вот сейчас очнется от ночного кошмара и он снова будет здесь, рядом, как всегда жалующийся.

Когда она до конца осознала, что больше уже никогда не увидит его, ее охватил гнев. Но и это прошло. Ноеминь была слишком занята, помогая своим сыновьям добывать хлеб насущный.

Прошло пятнадцать лет со смерти Елимелеха, но до сих пор боль утраты неожиданно оглушала Ноеминь. Эта боль уже не была такой острой, как в первые дни после его смерти, но и не прошла полностью. Ноеминь думала, что страданий более сильных, чем те, которые она испытала, потеряв мужа, не бывает. Но так она думала до того, как скончались ее сыновья. Теперь Ноеминь буквально погрузилась в море скорби и печали.

Она больше не могла даже молиться. Прежде у нее всегда был лучик надежды, и она всегда чувствовала Божье присутствие. Теперь у нее было ощущение, что Бог недостижим для нее, Его милости предназначены не для нее. Все ее молитвы были подобны дыму, уносимому ветром. Каждая молитва. Возможно, Елимелех, в конце концов, был прав. Бог стоит в стороне, наблюдая за ее страданиями.

Боже, где ты? Как мне найти Тебя?

Ноеминь хотела оправдать себя перед Его судом. Разве она не просила своего мужа остаться в Вифлееме? Разве она не умоляла его довериться Богу? Разве она не молилась о том, чтобы Бог изменил решение Елимелеха, и тогда они вернулись бы домой? Разве

Дура

она не хотела уйти домой после смерти мужа? Разве она не пыталась убедить своих сыновей возвратиться в землю, обещанную Богом? Но Махлон и Хилеон к тому времени были уже достаточно взрослыми, чтобы самим решать свою судьбу.

«Что у нас там есть? Здесь наш дом».

Их сердца давно уже отвратились от Бога и от земли обетованной. Их дом в Вифлееме был для них не более, чем дурным воспоминанием, местом лишений и страданий. Их отец ни разу не сказал о нем ни одного доброго слова. Как же у них могло возникнуть желание вернуться туда? Они плохо знали еврейские обычаи и закон, потому что Елимелех пренебрегал своими обязанностями. Он не учил своих детей истории израильского народа, закону Моисееву, путям правды. Ее сыновья видели, как жил их отец и поступали так же, как и он. Когда отец умер, они стали прислушиваться к старейшинам Кирхарешета и к священникам Хамоса. Они поступали, как хотели, в угоду своим желаниям, вплоть до того, что взяли себе в жены моавитянок. О, сколько огорчений доставляли Ноемини ее сыновья!

Все, что она говорила им, для них не имело никакого значения. Они любили ее, но она была всего лишь женщина. Что она понимала? Так они говорили. Так их научил думать Елимелех.

Ноеминь посмотрела на спящих невесток. Как странно, что теперь они были ее единственным утешением, эти молодые женщины, из-за которых она столько пережила,

когда впервые услышала о них. Иноземные жены! Позор Израиля! О, в каком отчаянии была Ноеминь. Когда Махлон привел Руфь, а Хилеон — Орфу, ей удалось изобразить радость. Что ей оставалось делать? Она не могла рисковать любовью сыновей. Ноеминь надеялась, что будет иметь хоть небольшое влияние на их молодых жен.

Теперь они, как и она, вдовы и так дороги для нее, как если бы они вышли из ее утробы. *Ничто так не сближает людей, как общее страдание.* Ноеминь помнила, как с самого начала она приняла девушек и старалась наладить с каждой из них добрые отношения, чтобы сохранить в доме мир. А втайне молилась, чтобы Орфа и Руфь смягчили свои сердца перед Богом Израилевым. Если бы она могла научить их истине Божьей, то, возможно, была бы надежда для следующего поколения. Но теперь ее последняя надежда на будущее рухнула.

Прошлой весной Хилеон неожиданно заболел горячкой. Потом долгая болезнь свела в могилу и Махлона. Хилеон умер в течение нескольких дней, без особых мучений, но несчастному Махлону в такой милости было отказано. Когда он заболел, боль не прекращалась. Ноеминь была не в силах что-либо сделать и могла только смотреть, как ее старшего сына, первенца Елимелеха, изводила болезнь. Она бесчисленное множество раз молила Бога, чтобы Он облегчил его

Руфь

страдания, чтобы на нее Он возложил все грехи ее мужа и сыновей, но медленно тянулись дни. Бедная Руфь, верная, любящая Руфь. Сколько ночей она пыталась облегчить страдания Махлона, но все заканчивалось слезами от понимания собственной беспомощности! Иногда Ноемини хотелось убежать из города в поле и там кричать, рвать на себе волосы и посыпать голову пеплом. Она разрыдалась, когда Махлон поднял на нее глаза раненого зверя, мучающегося в предсмертной агонии и охваченного страхом.

Ноеминь почти исчахла от горя в те длинные тревожные месяцы, но все же она часто с нежностью говорила Махлону о милости Божьей. *Милости!* Кричало ее сердце. *Милости! Господи Боже, милости!* Пока Руфь ухаживала за своим мужем, Ноеминь сидела рядом и рассказывала Махлону о знамениях и чудесах, которые Бог творил в Египте, в пустыне, в Ханаане. Теперь он не мог возражать ей, но был ли он готов раскаяться и искать Господа? Ноеминь поведала ему о том, как Бог вывел израильтян из Египта не потому, что они заслужили это, но потому, что Он избрал их Своим народом. Она рассказывала ему о Моисее и его законе, о том, как упрям был народ, подобно Елимелеху, как он бунтовал против Бога. Говорила о благословениях и проклятиях Божьих. Рассказывала сыну об обетованиях. Когда он засыпал, Ноеминь склоняла свою голову и молилась. *О, Господи, Господи...* она не находила слов. *О, Господи, испытай мое сердце...* Она молилась, молилась и молилась.

И все равно Махлон умер.

Когда он умирал, Руфь сидела рядом с ним и держала его руку. Когда его дыхание остановилось, она испустила долгий, полный муки вопль, надела на себя платок и закрыла им лицо.

Неужели это произошло всего лишь двадцать два дня тому назад?

Орфа пыталась утешить свекровь и Руфь, говоря, что теперь Махлон успокоился, что его страдания прекратились. Ноемини хотелось бы верить этим утешениям, но они казались ей пустыми, безосновательными. Что Орфа знала о Боге?

Скорбь Ноемини была настолько велика, что как будто парализовала ее. Все, что она была способна делать, — это ждать, когда взойдет солнце, и по-прежнему сидеть в своем темном сыром углу, прислушиваясь к шуму, который создавали люди, проходившие мимо дверей ее дома. Как жизнь могла продолжаться, когда ее сыновья мертвы! Она негодовала на соседей, чей смех доносился с улицы. Неизменная суэта жизни наполняла горечью сердце Ноемини. Неужели те, кого она любила, были настолько ничтожны в этом мире, что их жизнь была подобна горсти песка, брошенной в Мертвое море, оставляющей после себя едва заметную зыбь? Только Орфа и Руфь разделяли ее боль.

С каждым днем Ноеминь все больше и больше ненавидела Моав и Кирхарешет. Она ненавидела этот чу-

Руфь

жой народ. И за эту ненависть негодовала на саму себя. Это была не их вина, что Елимелех, Хилеон и Махлон избрали путь, неудобный Богу. *Человек думает, что сам выбирает свою судьбу, но повелевает им Господь Бог.*

Наступало новое утро, а Ноемини хотелось закрыть глаза и умереть. Но вместо желанного успокоения она обнаружила, что жива и осознает все происходящее вокруг нее. Она слышала, как Руфь и Орфа плакали и тихо перешептывались, стараясь не тревожить ее. Она ела, когда невестки просили ее есть, ложилась, когда они умоляли ее отдохнуть. Но продолжала чувствовать себя потерянной, раздражительной, напуганной и отчаявшейся.

Ноеминь снова погрузилась в воспоминания, в мыслях возвращаясь к первым годам своего замужества. О, как тогда они с мужем радовались и мечтали о прекрасном будущем, которое будет им наградой за их тяжелый труд и преданность своей земле. Муж называл ее Ноеминью — «моя радость». Она вспоминала, как они были счастливы, узнав о ее беременности; как они ждали ребенка и праздновали, когда у них родился первый сын, а потом и второй. Она кормила сыновей грудью до тех пор, пока они не начали ходить. Ноеминь радовалась их детскому веселью, смеялась над их шалостями, испытывала наслаждение от их присутствия. Тогда жизнь была полной. Она чувствовала присутствие Бога во всем их благополучии.

Что у меня есть теперь? Ничего! Я больше никогда не узнаю радости.

В Вифлееме было плохо, но когда они ушли оттуда, стало еще хуже. Ноеминь пыталась повлиять на Елимелеха, но у нее ничего не получилось. Она хотела воспитать детей в вере в истинного Бога, но Елимелех считал, что Моисеев закон был слишком суровым и нетерпимым.

— Наш путь — это не единственный путь, Ноеминь. Оглянись вокруг и посмотри, как процветают моавитяне. А живущие в Вифлееме до сих пор вынуждены выцарапывать у земли пропитание для себя.

Она знала: в глубине души Елимелех отвергал Бога, — но никогда не могла найти слов, чтобы убедить его вернуться домой.

Вот почему я теперь несу наказание! Должна ли я была более решительно спорить с Елимелехом? Следовало ли мне обратиться за помощью к старейшинам и не стыдиться сознаться в том, что происходило в нашем доме? Мне надо было пойти к его братьям? Я должна была найти кого-нибудь, кто пользовался бы его уважением и смог бы отговорить его покидать землю, которую дал нам Бог! Возможно, если бы я отказалась уходить из Вифлеема, то все обернулось бы иначе. Если бы мы остались там, то, может быть, мой муж и сыновья были бы до сих пор живы.

Ноеминь мучила себя, размышляя о том, могла ли она поступить иначе, страдала от понимания того, что подвела тех, кого так сильно любила.

О, почему я не объяснила Хилеону и Махлону важность Божьего закона? Мне следовало быть более разумной матерью. Я должна была заставлять их сидеть и слушать. Мне надо было меньше беспокоиться о том, что я могу потерять их любовь, и больше думать о том, как спасти их души. А теперь я потеряла их навсегда. Я потеряла своих сыновей... о, мои сыновья, мои сыновья...

Ноеминь молчала, но изо дня в день, ночь за ночью занималась самобичеванием.

Отче, прости меня. Я была слаба. Я была неразумна. Я избрала легкий путь и последовала за Елимелехом, потому что желала сохранить мир в своем доме. Я не хотела быть сварливой женой. Я думала поддержать мужа в его устремлениях. Я хотела быть его помощницей. Но Ты предупредил нас о проклятии в случае нашей неверности. О, Отче, я хотела быть верной. И старалась быть верной. Каждый день сердце мое разрывалось между Тобой и мужем. Я не знала, что мне делать. Я могла только молиться, продолжая надеяться и идти бок о бок со своим мужем и сыновьями. Я каждый день молилась и ждала, что они образумятся, и мы вернемся домой в землю, которую Ты нам дал. О, Боже, все эти годы я молилась и молилась, но ни на одну молитву не получила ответа. Мой муж умер. Мои сыновья умерли! Ты снял с меня одежды мои и открыл наготу мою! Ты пролил меня, как воду! Кто у меня остался, кроме Тебя, Отче? К кому мне теперь идти, как не к Тебе?

Она со стоном раскачивалась взад и вперед.

Руфь поднялась и обняла ее.

— Матушка, я буду заботиться о тебе.

Ее доброта растопила сердце Ноемини. Она разрыдалась в объятиях невестки, позволив ей убаюкивать себя, как дитя. Но это не принесло облегчения, потому что теперь другие мысли проносились в ее измученном мозгу и заставляли страдать еще сильнее.

Ведь не было детей, которые сохранили бы имена ее сыновей. Это было равносильно тому, как если бы Махлона и Хилеона вообще никогда не существовало. *Их имена вместе с ними превратятся в прах. Детей нет... и не будет...*

Прошло семьдесят дней, прежде чем Ноеминь вышла за двери своего маленького дома. Глазам было больно от солнечного света. Она ослабела от пережитого горя, пролила столько слез, что ими можно было бы наполнить кувшин, пора было остановиться. Плач не вернет умерших к жизни. Она должна думать о живых. Руфь и Орфа — молодые женщины, слишком молодые, чтобы всю оставшуюся жизнь оплакивать Махлона и Хилеона или заботиться о старухе, у которой жизнь уже прошла.

Сев на скамейку возле дверей своего дома, Ноеминь наблюдала за чужими детьми. Они бежали вниз

Руфь

по улице, их смех все еще доносился до нее, когда они уже свернули за угол. Эти дети были живы, а ее сыновья — нет. Но у ее невесток был шанс начать новую жизнь, если она сделает то, что должна.

Если Ноеминь останется в Кирхарешете, то Руфь и Орфа будут по-прежнему жить с ней. Они потеряют свою юную красоту, ухаживая за матерью своих умерших мужей. Как могла она допустить, чтобы из-за нее жизнь этих милых девушек прошла впустую? Она слишком любила их, чтобы видеть, как они просят горсть зерна у чужих людей или живут на подавания друзей и родственников. Если же она уйдет из Кирхарешета и Моава, то невестки смогут вернуться в свои семьи и те с радостью примут их. Ноеминь не сомневалась, что их отцы быстро найдут для своих дочерей мужей, потому что они были молоды и красивы. Тогда Руфь и Орфа познают ту радость, которую приносят дети. Ноеминь желала им этого больше, чем чего-либо другого.

Что касается ее, то она пойдет в Вифлеем, домой. Она не знала, остались ли там еще ее родственники или друзья, пережили ли они голод, но она слышала, что голод в конце концов закончился. Возможно, набеги мадианитян тоже прекратились. Однако какое это имело значение? Ноеминь стремилась домой и была готова смириться со всем, с чем ей придется столкнуться в Вифлееме. Если она должна будет унизиться и провести остаток своей жизни как нищая, то пусть так и будет. По крайней мере она будет ощущать под своими ногами землю обетованную. По крайней мере

она будет там, где окружающие ее люди, как и она, поклоняются Богу.

О, Господи, сделай так. Безопасной дорогой приведи меня домой, прежде чем я умру. О, Отче, яви мне милость Твою, я одинока и глубоко несчастна. Мое положение становится все хуже и хуже. Я хочу совершать только те поступки, которые будут угодны Тебе. Помоги мне!

Ноеминь приветствовали проходившие мимо соседи. Она улыбалась им, кивала головой, а ее мысли продолжали свой бег. Почему я сижу здесь? Я жду, что Бог будет говорить со мной, как он говорил с Моисеем? Кто я такая, чтобы Бог разговаривал со мной таким образом? Я жду, что Он напишет мне большими буквами на стене дома, что я должна делать? Я знаю, что я должна делать! Я расскаюсь и вернусь на свою родину.

Ноеминь положила руки на колени и стремительно встала. Спустив шаль на плечи, она вошла в дом. Руфь, стоя на коленях, разравнивала тесто и укладывала его на железную печь, Орфа штопала одежду. Обе женщины взглянули на свекровь и улыбнулись. Ноеминь, глядя на невесток, задумалась, пытаясь найти слова, чтобы объяснить с ними, и не находила. Тогда она отвернулась и начала собирать свои вещи. Руфь встала.

— Что ты делаешь, матушка?

— Укладываю вещи.

Руфь

— Укладываешь вещи? — спросила Орфа. — А куда ты уходишь?

— Домой.

Ноеминь знала: Руфь и Орфа будут настаивать на том, чтобы пойти вместе с ней в Вифлеем. Пылкая юность. Она не спорила, потому что предвидела — скоро девушки сами поймут, что не в силах оставить Моав и свои семьи. Ноеминь была уверена, что к тому времени, как они достигнут реки Арнон, Руфь и Орфа уже захотят вернуться домой. Она проведет немного времени в их приятной компании, а потом отправит их домой. Задумываться о том, что никогда больше не увидит их после того, как они оставят ее, она не хотела. Ноеминь никогда не забудет своих невесток и будет молиться о них каждый день, пока жива.

Когда все было собрано, Ноеминь задумалась, смогут ли они хотя бы спуститься с холма со всеми теми вещами, которые Орфа решила взять с собой. Бедная девушка. Она ничего не хотела оставлять. Нагрузила на себя все, что скопила за годы своего замужества, включая и маленькую табуретку. От огорчения Орфа расплакалась.

— О, я хочу, чтобы мы забрали и стол, и ковер...

Руфь же взяла только узелок с яркими поясами, которые она сама сделала, мех с водой, запас зерен и лепешек с изюмом на несколько дней.

— Где остальные твои вещи, Руфь? — спросила ее Орфа.

— Я взяла все необходимое. Матушка, дай мне котел. Он слишком тяжел для тебя. А если его понесу я, то сегодня мы успеем пройти больше.

Ноеминь сказала соседям, что Орфа и Руфь вернутся через день или два. Она хотела быть уверенной, что никто не будет интересоваться имуществом, оставшимся в доме. Вернувшись домой, молодые женщины могли бы все продать, включая дом, и выручку поделить между собой. Ноеминь не заботилась о нажитом добре, которое оставляла здесь. Моавитским, филистимским и египетским украшениям она предпочитала простые вещи своего народа. Елимелех придавал большое значение подаркам, которые он преподносил ей, но в Вифлееме они будут неуместны.

Ноеминь подозревала, что Руфь все отдаст Орфе. Дорогая Руфь, у нее было такое щедрое сердце, не говоря уже о богатом отце, который хотел бы вернуть ее домой. Ноеминь знала его достаточно хорошо и могла предположить, что он уже присмотрел для Руфи другого мужа, сына богатого торговца или какого-нибудь служителя царского дворца. У нее сжималось сердце при мысли, что кто-то другой, а не ее сын, будет мужем Руфи. Любопытно... в отношении Орфы у Ноемини не возникало таких мыслей.

Вероятно, это объяснялось тем, что Руфь откликнулась на слова свекрови об истинном Боге. Как

Руфь

радовалась Ноеминь, когда заметила, как в сердце девушки появились первые ростки веры.

— Ты вчера видела своих родителей, Руфь?

Руфь покачала головой.

— Почему? Они должны знать, что ты уходишь.

— Они знают, что я с тобой.

— А они знают, что я возвращаюсь в Вифлеем?

— Моя мать говорила мне, что ты уйдешь отсюда, и я сказала ей, что даже если ты сделаешь это, я все равно принадлежу семье своего мужа.

Ноеминь больше не говорила об этом. Она отправилась в путь, взяв с собой только маленький мешочек с сушеными зернами, мех с водой и кожаную сумку, в которой лежала коробочка из сандалового дерева с кристаллами ладана внутри. В Вифлееме она отдаст ее священнику как приношение Богу.

Выйдя за городские ворота и взглянув на лежащую перед ней дорогу, Ноеминь почувствовала облегчение. Какие бы трудности ни встретились в пути, она по крайней мере шла в Ханаан. Она не оглядывалась. Орфа тихо плакала, поглядывая назад, а Руфь только улыбалась, пристально всматриваясь в дорогу, ведущую к Мертвому морю.

— Для начала путешествия сегодня хороший день, матушка.

День тянулся медленно, поднялось солнце, жаркое, палящее. Ноеминь чувствовала, как в ее сердце закрадывается отчаяние. Скоро она распрощается со своими невестками.

Господи, дай мне силы поставить их благополучие выше собственного страха перед одиночеством. Отче, благослови этих девушек за их доброту ко мне. Защити их на пути домой и дай им мужество идти одним.

Вполдень они остановились отдохнуть под теревинфом*. Ноеминь взяла предложенные Руфью лепешку с изюмом и чашку воды, Орфа от еды отказалась. Она тихо сидела, потупив взгляд. Руфь села и отерла с лица пот. Она выглядела усталой, но больше заботилась о своей невестке, нежели о себе.

— Ты хорошо себя чувствуешь, Орфа?

— Я отдохну, и все будет в порядке.

Ноеминь знала, что это неправда, но это знание не успокаивало ее. Она должна отправить невесток назад, домой. Еще было достаточно времени, чтобы они успели до темноты благополучно вернуться в город. Ноеминь быстро поела и поднялась на ноги, взвалив себе на спину узел, который до сих пор несла Руфь.

— Что ты делаешь? — спросила Руфь, тоже вставая с земли.

— Дальше я пойду одна.

— Нет, матушка!

Орфа поднялась на ноги и присоединилась к Руфи, протестуя и заливаясь слезами.

*Теревинф — большое дерево (возможно, фисташковое), растущее в Палестине. — Примеч. ред.

— Не уходи! Пожалуйста, не уходи.

Сердце Ноемини разрывалось, но она знала, что должна оставаться твердой.

— Возвращайтесь домой, к своим матерям, не ходите со мной. Да благословит вас Господь другим, более удачным, замужеством.

Руфь плакала.

— Нет, — она тряхнула головой. — Нет, *нет*... — она шагнула вперед:

— Мы хотим пойти с тобой, к твоему народу.

— Зачем вам отправляться со мной в этот путь? — сказала Ноеминь. Ее голос от сдерживаемых чувств стал резким, она старалась, но безуспешно, вернуть ему прежний тон. — Разве я могу родить других сыновей, которые стали бы вашими мужьями? Нет, дочери мои, возвращайтесь в родительский дом, ибо я слишком стара, чтобы выйти замуж. Даже если бы это было возможно, и я бы снова вышла замуж и сегодня же ночью зачала, то что из того? Неужели вы стали бы ждать, пока они вырастут? Можно ли вам медлить и не выходить замуж? Нет, конечно же нет! Мое положение значительно хуже, чем ваше, ибо рука Господня настигла меня.

Руфь и Орфа расплакались еще сильнее. Орфа обняла свекровь.

— Я никогда не забуду тебя, Ноеминь. Да будет твое путешествие безопасным.

— Я тоже не забуду тебя, — произнесла Ноеминь и поцеловала девушку. — И твое путешествие да будет безопасным!

Орфа подхватила свои узлы и развернулась в сторону Кирхарешета. Отойдя немного, она остановилась и оглянулась в замешательстве.

— Ты не идешь, Руфь?

— Нет, — Руфь покачала головой, ее глаза наполнились слезами. — Я пойду с Ноеминью.

Орфа поставила на землю свои вещи и побежала назад, чтобы обнять невестку.

— Это точно, сестра?

— Точнее не бывает.

— Пожалуйста...

— Нет. Иди без меня. Я пойду с Ноеминью.

Бросив прощальный взгляд, Орфа продолжила свой путь. Ноеминь наблюдала, как быстро она удалялась, а потом посмотрела на Руфь. Старая женщина протянула руку, указывая на Кирхарешет.

— Посмотри. Твоя невестка возвращается к своему народу, к своим богам. Ты должна сделать то же самое.

По лицу Руфи струились слезы, но она не двинулась с места.

— Не проси меня уйти от тебя и вернуться домой, я не хочу.

— Но как я могу не просить тебя оставить меня? — Ноеминь подошла к девушке. — Ты слышала, что я говорила, Руфь. Должна ли я брать тебя с собой в Вифлеем, чтобы у тебя была такая же горькая жизнь, как и

Руфь

у меня? Неужели ты должна состариться без мужа и детей?
Иди за Орфой! Возвращайся к отцу и матери!

— Нет, — плача проговорила Руфь. — Я не хочу оставлять тебя. Я хочу принять веру твоего народа.

Сердце Ноемини сжалось.

— О, моя милая, подумай, о чем ты говоришь. Жизнь моего народа не так легка, как ты думаешь. Мы должны соблюдать субботу и святые дни, в которые не можем путешествовать дальше, чем на две тысячи локтей.

— Я пойду туда, куда пойдешь ты.

Ноеминь знала, что должна говорить правду, даже если это ранит чувства Руфи.

— Нам нельзя проводить ночь вместе с язычниками.

— Я буду жить там, где будешь жить ты.

— Мы должны соблюдать шестьсот заповедей!

— Все, что соблюдает твой народ, и я буду соблюдать, матушка, ибо твой народ будет моим народом.

Ноеминь развела руками.

— У нас предусмотрено четыре вида смерти за преступления: побивание камнями, удушение, предание огню и заклание мечом. Обдумай как следует свое решение!

Руфь ничего не ответила, и Ноеминь продолжала, умоляя ее понять, как много различий между их народами.

— Наш народ хоронит своих покойников в гробницах.

— Пусть и меня там похоронят.

Упав на колени, Руфь обняла Ноеминь.

— Где ты умрешь, там и я умру и буду погребена.

Когда Ноеминь попыталась оттолкнуть невестку, та еще сильнее прижалась к свекрови.

— Пусть Господь сурово накажет меня, если я позволю чему-то кроме смерти разлучить меня с тобой!

Расплакавшись, Ноеминь положила руки на голову Руфи и погладила ее волосы. Старая женщина подняла взор к небу. Она никогда не надеялась на подобное, не ожидала, что эта молодая моавитянка будет готова оставить все ради того, чтобы последовать за ней. Опустив взгляд, она рассеянно поглаживала голову Руфи.

— Ты больше никогда не увидишь свою мать, отца, братьев, сестер. Ты понимаешь это?

— Да, — Руфь подняла голову. Слезы оставили на ее лице мокрые полосы.

— Твоя жизнь будет проще, если ты вернешься.

— О, Ноеминь, как я могу вернуться к прежней жизни, если у тебя слова истины? — она с плачем ломала руки. — Пожалуйста, не проси меня покинуть тебя. Не искушай меня. Я пойду с тобой!

Твой Бог будет моим Богом.

Что могла сказать Ноеминь в ответ на такие слова? Не молилась ли она, чтобы сердце Руфи смягчилось перед Богом Израилевым? Одна молитва была услышана, одна из тысяч.

— Успокойся, — сказала она нежно и разомкнула руки Руфи, обвившиеся вокруг ее талии. Ноеминь с улыбкой посмотрела на невестку и вытерла ее слезы.

Руфь

— Пусть все будет по воле Божьей. Все, что ни случится, мы встретим вместе.

Руфь с облегчением вздохнула, глаза ее сияли.

— Я буду хранить каждое твое слово, ибо понимаю, что все, чему ты учишь меня, мне нужно знать.

— Ты узнаешь все, чему я научилась у колен своей матери. Все, что имею я, — твое. Я с радостью поделюсь с тобой всем.

Теперь Ноеминь знала: нечто большее, чем брак с ее сыном, было причиной того, что эта девушка заняла особое место в ее жизни, в ее сердце. И теперь она будет молиться о том, чтобы ее соплеменники сумели по достоинству оценить Руфь.

Ты не забыл меня, Господи. Ты знал, что одна я никогда бы не вернулась домой. Ты не оставил меня.

— Пойдем, — сказала Ноеминь, протягивая руку Руфи и помогая ей подняться. — Нам предстоит долгое путешествие, прежде чем мы доберемся до дома.

Руфь не задумывалась о трудностях, с которыми они могут столкнуться, когда придут в Вифлеем. Каждый день их путешествия был настолько сложен, что ее не страшили проблемы, ждавшие их по прибытии на родину Ноемини. Все те месяцы, в течение которых болел Махлон, она жила в страхе, но он все равно умер. Она любила своего мужа, но не смогла спасти его. Все ее усилия помочь ему были

напрасны, и страх потерять его никоим образом не предотвратил приход смерти. И совсем не страх помог ей преодолеть трудности жизни без мужчины и обеспечить семью хлебом. После смерти Махлона Руфь твердо решила, что никогда больше не позволит себе задумываться над вещами, не подвластными ей. Будущее было из ряда именно таких вещей. Она смело встретит все, что произойдет, и смирится с той жизнью, какую даст ей Бог.

Ноеминь часто утешала ее, даже не сознавая этого. «Господь позаботится о нас», — сказала она прошлой ночью. Руфь без сна лежала на твердой земле, глядя на звездное небо, и размышляла над ее словами. *Господь позаботится о нас.* После всего, что пришлось пережить Ноемини, Руфь еще больше убедилась в ее вере. Сила этой женщины приносила девушке успокоение. *Господь позаботится о нас.* Она предпочла верить этому, потому что ее свекровь говорила, что это правда.

С тех пор как Руфь вошла в дом Махлона, она видела, что Ноеминь отличается от жителей Кирхарешета. И первым отличием, которое сразу же бросалось в глаза, была ее одежда. Даже по истечении нескольких лет жизни среди моавитян Ноеминь продолжала одеваться, как еврейка. Она делала это не из гордости, как если бы считала себя лучше тех, кто жил рядом с ней. Просто она была такой, какой была. Руфь также виде-

Руфь

ла ее глубокую веру в Бога. Сначала она беспокоилась, что долгое молчание свекрови было признаком ее недовольства девушкой, которую ее сын выбрал себе в жены. Но Махлон сказал, что она ошибается.

— Это она молится, — говорил Махлон, пожимая плечами. — Сколько я себя помню, она всегда молится. Не беспокойся. Ее молитвы никому не вредят. Просто не обращай на нее внимания.

Но Руфь не могла не обращать внимания на свою свекровь. Она видела, как много значат для этой женщины молитвы, и хотела больше узнать о них. Украдкой она наблюдала за своей свекровью. Иногда Ноеминь, разговаривая со своим Богом, выглядела такой умиротворенной, а иногда на ее лице отражалась боль. Каждое утро, часто в полдень и всегда в вечерние часы, Ноеминь покрывала голову платком, садилась в уголок и безмолвно замирала там. Однажды Руфь спросила ее, о чем она молится, и Ноеминь с улыбкой ответила:

— Обо всем, — ее глаза стали грустными. — А больше всего о сыновьях, — она приблизилась к Руфи и обняла ее, в глазах еврейки засветилась нежность, — и о моих дочерях.

Добрые слова свекрови вызвали слезы Руфи. Мнение Ноемини много значило для нее, потому что она восхищалась матерью Махлона. Ноеминь была доброй и мягкой, она честно распределяла домашнюю работу и всегда работала так же много, как и все остальные. Она одинаково сильно любила обоих своих сыновей и, несмотря на культурные

различия, приняла Руфь и Орфу, как дочерей. Хотя на Махлона Ноеминь, кажется, не имела особого влияния, Руфь чувствовала, что ее свекровь обладает глубокими знаниями и мудростью, которые она тоже очень хотела бы иметь.

Но она видела и печаль свекрови. В Кирхарешете Ноеминь никогда не чувствовала себя как дома, она вела себя скованно в окружающем ее обществе. Это было связано с ее Богом. Руфь не решалась подойти к ней и заговорить об этом. С этим вопросом она обращалась к мужу.

Махлон не много мог рассказать о Боге своего народа. Он, видимо, очень мало знал о Нем.

— Почему ты так интересуешься Богом?

— Разве я не должна буду рассказать о Нем твоим сыновьям?

— Расскажешь им о Хамосе, если хочешь. Мне это безразлично. Я уверен, моя мать расскажет им о Яхве. Самое главное, чтобы они были терпимы ко всем религиям. Это единственный способ добиться успеха в Кирхарешете.

В глазах Махлона один бог был ничем не лучше любого другого, но Ноеминь не шла на компромиссы. Она с уважением относилась к другим верованиям, никого не презирала, но твердо держалась своей веры в Яхве.

Руфь посмотрела на свекровь, свернувшуюся рядом с ней, голова ее покоилась на камне, подложенном

Руфь

вместо подушки. Она уснула через несколько минут после того, как съела хлеб, приготовленный для нее Руфью. Солнце село, и воздух быстро остыл. Руфь поднялась и осторожно укрыла Ноеминь своей шалью. Очень быстро путешествие для свекрови стало тяжелым. В течение нескольких недель после смерти Махлона она ела очень мало. Руфь опасалась, что она зачахнет от горя. Поэтому, желая вызвать у нее аппетит, она готовила для Ноемини вкусное тушеное мясо. А сейчас физическое переутомление лишило ее аппетита. Она так уставала после переходов, длившихся целый день, что глаза ее закрывались во время еды. Странно, у Руфи было ощущение, будто они поменялись местами. Ноеминь стала ребенком, а она — заботливой матерью.

— Но я ничего не имею против, — прошептала Руфь и, наклонившись, поцеловала свекровь в щеку. Молодая женщина пригладила черные завитки волос, упавшие на обожженный солнцем лоб свекрови.

Руфь села рядом и крепко обняла немного дрожавшую Ноеминь. Вдали виднелась гора Нево. Утром Ноеминь рассказывала невестке о том, как Моисей взошел на эту гору и умер там, поручив Божий народ Иисусу Навину. Вскоре после этого израильтяне перешли через Иордан и заняли Ханаан. Руфь любила слушать рассказы Ноемини о том, что Бог сделал для евреев. Она ощущала странное волнение, когда слушала истории о проявлении Его всемогущества и Его неизменной любви.

Закрыв глаза, Руфь подняла лицо к небу.

— Господи, помоги мне позаботиться о рабе Твоей Ноемини, — шептала она. — Только благодаря ей я уверовала в Тебя. Пожалуйста, направляй наши стопы и защити нас по дороге домой. И еще, Господи, если я прошу не слишком много, то расположи сердца старых друзей приветствовать возвращение Ноемини, сделай так, чтобы люди, которые любили ее в прошлом, по-прежнему уважали бы ее и в грядущие трудные времена.

Содержание

Предисловие	5
Родословие Благодати	7
Место и время действия.....	9
Глава 1	11
Глава 2	51
Глава 3	65
Глава 4	117
Глава 5	173
Эпилог	197
Благодарность	198
Об авторе	199